

Неоосманизм во внешней политике Турции



Александр ШАРАПО,
доктор исторических
наук, профессор

Несмотря на то, что по своему содержанию и названию концепция неоосманизма всецело посвящена турецкой проблематике, ее авторство и дальнейшие трактовки принадлежат не турецким, а иностранным востоковедам. Это их «взгляд издалека», «извне» на современную политику турецкого государства, в характере которой они увидели нечто новое, отличное от предыдущего послевоенного периода правительственных переворотов. Об иностранных корнях этой доктрины говорит и то, что сам термин «неоосманизм» не используется в Турции ни официальными политиками, ни турецкими учеными-международниками, ни в публицистической печати. Так что же за ним стоит?

Автор термина «неоосманизм» английский исследователь Д. Бэрчард в своей работе «Турция и Запад» в 1985 году отмечал, что этим определением он хотел подчеркнуть смену парадигмы внутри- и внешнеполитического курса Турции, в котором он увидел признаки давно ушедших в историю идей османизма и попытки возродить бывшее «османское величие».

На первый взгляд, подобная оценка ситуации того периода необоснованна: она не была подкреплена ни экономическим, ни военным, ни внешнеэкономическим базисом. В сложившейся внутривнутриполитической обстановке, казалось бы, не должно было быть места для проявления хоть каких-то признаков «османского духа».

Однако, как ни парадоксально, и как это уже не раз случалось в османской истории, именно атмосфера страха и бесправия породила среди значительной части турецкой интеллигенции чувства досады, неудовлетворенности и протеста, которые в конечном счете сформировали социальную базу для прихода к власти нового поколения политических лидеров.

Они были полны желания вывести страну из политико-экономического тупика и сделать ее равнозначимым членом клуба ведущих европейских держав. Это в целом позитивное стремление дало основание западным теоретикам представить все происходящее на политическом пространстве Турции в виде концепции неоосманизма. Как видим, термин почти совпадает с названием известной доктрины XIX века – «османизм». Но главное в смысловом сходстве: и тогда, и сейчас эти две концепции отражали одну и ту же цель – закрепление имперскости власти. Правда, в первом случае она уже была налицо, и речь шла лишь о ее сохранении, а во втором, в конце XX– начале XXI века, – о стремлении если не территориально возродить имперское «величие османов», то, по крайней мере, обеспечить максимальное влияние «османского духа» на региональные и международные события. Немаловажной представляется и схожесть

ОБ АВТОРЕ

ШАРАПО Александр Викторович.

Родился в 1938 году в д. Ходоровцы Желудокского (ныне Лидского) района Гродненской области. Окончил Минский государственный педагогический институт имени А.М. Горького (1960), аспирантуру Высшей партийной школы при ЦК СЕПГ в Берлине (1976).

С 1960 года работал учителем Вилейской средней школы-интерната. В 1961–1982 годах – на различных должностях в комсомольских и партийных органах.

С 1982 года – проректор по международным связям БГУ. Одновременно, с 1992 года, возглавлял кафедру международных отношений исторического факультета БГУ. В 1995–2008 годах – декан факультета международных отношений.

Доктор исторических наук (1988), профессор (1989).

Автор 125 научных трудов, в том числе шести монографий.

Сфера научных интересов: внешнеполитическая стратегия и практика Республики Беларусь, германистика.

► Т. Озал



во взглядах на роль религии: как «старые», так и «новые османы» считали, что принципы ислама не только не противоречат демократическим реформам, но и во многом способствуют их проведению.

Вместе с тем было бы необоснованно говорить о неоосманстве как о некоем «клоне» своего теоретического предшественника. Коренное различие между ними в том, что первоначальный османизм был инициирован «снизу» и являлся идеологическим оружием в руках прогрессивных для середины XIX века сил (интеллигенции и чиновничества), в то время как его современный вариант есть отражение интересов властной элиты.

Руководители Турции последнего тридцатилетия вынуждены лавировать в идеологическом поле многих доктрин прошлого. Объединенные идеями османства они вычленили для себя из пантюркизма, панисламизма и кемализма те положения, которые в наибольшей степени удовлетворяли их личным амбициям, не забывая при этом о настроениях электората. А они, как показало последнее тридцатилетие, постепенно трансформировались от скромных оценок международной значимости Турции в 1980-е годы до порой завышенных представлений о ее статусе на современном этапе. Как отметил в своей книге «Неоосманство» сербский ученый Д. Танаскович, «эта концепция является константой внешней политики Турции. Попытка осудить

ее только затуманит суть происходящего. Неоосманство, как таковой, сам по себе ни плох, ни хорош. Это реальный и даже легитимный геополитический фактор мировой политики» [1].

Оценивая нынешние события в Сирии, Ираке и в целом в Ближневосточном регионе, поневоле приходишь к выводу, что такие оценки концепции неоосманства представляются заслуживающими внимания.

Сам Бэрчард и его последователи всегда отмечали, что их доктрина не относится к числу какого-либо рода программных документов, а лишь отражает случившееся – реальную политику Турции. Этим она отличается от всех предыдущих турецких (османских) политических теорий. В качестве наиболее ярких проявлений современного неоосманства они чаще всего называют политику трех турецких руководителей последнего времени: Тургутта Озала (премьер-министр с 1983 по 1989 год, президент с 1989 по 1993 год), Наджметтина Эрбакана (премьер-министр с 1996 по 1997 год) и Реджепа Эрдогана (премьер-министр с 2003 по 2014 год, президент с августа 2014 года). При этом каждому из них они отводят свою характерную «роль» в этом процессе: с правлением Т. Озала связывают появление первичных признаков неоосманства (главным образом в экономической сфере), с именем Н. Эрбакана – попытку возрождения «политического ислама», Р. Эрдогану отдают приоритет в проявлении «внешнеполитического неоосманства». В контексте рассматриваемой темы остановимся лишь на наиболее показательных примерах их политического курса.

Экономическая компонента Озала

Своеобразным катализатором для зарождения неоосманских идей у Т. Озала явилось стечение двух обстоятельств. Во-первых, внутренний фактор – неприязнь к деспотической власти последнего из военных президентов – генерала Эврена, приведшего страну к глубокому эконо-

мическому кризису, что предопределило место Турции в числе третьеразрядных государств планеты. Во-вторых, кардинальная ломка мирового порядка, вызванная развалом системы социализма и распадом СССР, открывшая для многих стран, в том числе и Турции, благоприятные возможности для повышения своего международного и регионального статуса. Т. Озал уже на первых ступенях своей карьеры осознал, что выдвижение Турции в число ведущих государств немыслимо без кардинальных реформ, в первую очередь в экономической сфере, и без ее адаптации в европейском цивилизационном пространстве. В этом проявилось его немалое сходство с программными положениями концепции османизма. Как и «Новые османь» XIX века, так и Т. Озал в XX веке видел страну в ряду наиболее влиятельных государств, имеющих основания говорить в своем «величии». Один только пример: если в 1979 году промышленные товары составляли немногим более 30 % общего экспорта Турции, то в 1989 году их доля возросла до 82 %. С начала 1990-х годов страна вместо аграрного приобрела статус развитого индустриально-аграрного государства [2].

Не менее заметное проявление идей османизма видят западные исследователи и во внешнеполитическом курсе уже не премьер-министра, а президента Т. Озала. Как никакой другой политический деятель такого ранга в послевоенной Турции, Т. Озал активно отстаивал позиции общетюркской интеграции и исламской солидарности, придерживаясь убеждений о возможности сосуществования европейской и восточной цивилизации, их взаимной адаптации и отсутствия противоречий в конечных целях. Подчеркивая свою симпатию к идеям османизма, в неофициальных беседах и интервью он зачастую вместо конституционного определения своего государства как Турецкая Республика употребляет выражение «Османская республика». В контексте рассматриваемой темы Т. Озала можно отнести к ярко выраженному «осману» современного типа, который и на словах,



◀ Н. Эрбакан

и в делах сделал многое, чтобы возродить и реализовать в условиях XX века лозунг о «величии» османов.

Религиозная составляющая Эрбакана

Еще один видный политический деятель Турции Н. Эрбакан – фигура противоречивая, определившая для своей деятельности приоритет «политического исламизма». Вот почему он вошел в турецкую историю в большей степени не как премьер-министр, находившийся в этой должности всего лишь один год, а как основатель целого ряда последовательно сменяющих друг друга происламских партий. Ни один из политических деятелей Турции последнего тридцатилетия не имеет столь богатую на партийное лидерство биографию, как Н. Эрбакан. Свое концептуальное происламское кредо он определил еще в 1969 году в так называемом манифесте «Национальный взгляд», ставшем основой политических платформ всех созданных им партий. Небезынтересно узнать, что истоки ныне правящей Партии справедливости и развития начинаются с эрбакановской Партии добродетели. Вот почему самого Эрбакана часто называют духовным отцом Эрдогана.

Несмотря на то что все исламские партии Эрбакана отторгались властью, их влияние на настроения турецкого элек-

► Р. Эрдоган



тората в 1990-е годы считается одним из наиболее заметных. Если сравнить предпочтения электората 1980-х годов, когда доминирующая демократическая и светская по духу Партия отечества Т. Озала набирала более 40 % голосов избирателей, то в середине 1990-х по этому показателю лидировала уже исламская Партия благоденствия Эрбакана [3]. Такой успех обеспечил ему не только кресло премьер-министра, но и расширил возможности по возрождению «религиозного османизма», известного как «политический исламизм».

Внешнеполитический фактор Эрдогана

Если проявления неоосманизма в политике Т. Озала и Н. Эрбакана затрагивали в основном внутреннюю сферу государственной деятельности, то у Р. Эрдогана они характеризовали в большей степени его внешнеполитический курс. Правда, неоосманская риторика была начата еще Т. Озалом – автором известного лозунга «XXI век станет веком Турции». Еще больше неоосманский тон проявился в заявлениях его последователя на посту президента С. Демиреля: «Турецкий мир будет простираться от Адриатики до Великой Китайской стены...» [4].

Эстафету подобных высказываний подхватил в начале XXI века Р. Эрдоган. Будучи премьер-министром, коммен-

тируя намерения Евросоюза принять в свои ряды Сербию, Боснию и Герцеговину, он отмечал: «Турции принадлежат территории Западной Фракии, Македонии, Боснии и Герцеговины, а своими действиями ЕС пытается нас отсечь от Балкан» [5]. Более решительными стали его заявления на посту президента страны: «Мы будем расширять нашу дипломатическую деятельность по всему миру. Мы должны работать так, чтобы сделать Турцию одной из 10 наиболее развитых стран мира. Примером для нас будут государства-лидеры» [6]. Не менее амбициозными являются высказывания Р. Эрдогана относительно государств сопредельного региона: «Мы видим эти народы в качестве наших друзей потому, что мы имеем с ними общее культурное и историческое прошлое, а также общее будущее... Балканы, Центральная Азия и Ближний Восток являются нашими неотделимыми частями» [6].

Конечно, в подобного рода заявлениях просматриваются скорее элементы популизма, чем официальные претензии Турции на чужие территории. Во многом такой тон объясняется напряженностью предвыборных кампаний первого десятилетия нового века. Однако не только: к тому времени партия Эрдогана уже могла опираться на довольно стройную теоретическую базу, в основе которой как раз и лежали идеи современного османизма. Речь идет о работе тогда еще мало известного в политике профессора Стамбульского университета А. Давутоглу «Стратегическая глубина: международное положение Турции» (2001 год). Уже в предисловии автор четко определяет факторы, в силу которых внешнеполитический курс страны, по его мнению, должен подлежать коренному пересмотру. «В начале прошлого века, – отмечает он, – Турция отказалась от своего османского прошлого, закрепив за Турецкой Республикой статус нация-государство. В годы холодной войны вопрос культурной идентичности носил формальный характер. Однако геополитические изменения, вызванные окончанием холодной войны, поставили этот вопрос на повест-

ку дня. Османское наследие Турции накладывает на нее груз геополитической ответственности. Возврат к историческому наследию откроет перед страной новые горизонты и возможности, позволит сделать внешнюю политику Турции более конструктивной» [7].

«Новый взгляд» на турецкие внешнеполитические горизонты во многом раскрывает и суть названия работы Давутоглу, где сама увязка международной политики этого государства с такими понятиями, как «стратегия» и «глубина», говорит об амбициозности и долгосрочности задуманного им проекта. Определение «стратегическая» нацеливает внешнюю политику на будущее, на качественно новую перспективу. Термин «глубина» – это переоценка восприятия прошлого, ретроспективный взгляд на историю Османской империи как на наследство, которым в идеологическом плане нужно гордиться, а в практическом – воспользоваться. Цель внешней политики, по мнению Давутоглу, «оживить османские корни» путем их активной целеустремленной международной деятельности [3].

Он подчеркивает значимость геостратегического положения Турции, ее исторической «глубины» и уникального места в мусульманском мире. «Страны, говорящие на одном языке, исповедующие одну религию и единые ценности, – отмечал Давутоглу, – должны выработать и общую политику... Существует наследие, оставленное Османской империей. Нас называют неоосманами. Да, мы – «новые османы» [4]. Последняя фраза, пожалуй, наиболее полно отражает суть нового «неоосманского курса» Турецкой Республики. Основные его принципы – многовекторность, «ноль проблем с соседями», переориентация приоритетов с западного вектора на Ближневосточный регион, сотрудничество с мировыми державами.

Влияние концепции неоосманизма на характер ближневосточной политики других государств проявляется поразному. Оно зависит от их политических, экономических и военных интересов в этом регионе, общего потенциала и сте-



◀ А. Давутоглу

пени вовлеченности в сотрудничество со странами Ближнего Востока. Республика Беларусь занимает далеко не последнее место в ряду заинтересованных международных акторов и выстраивает здесь свои отношения, в том числе и с учетом особенностей этой новой внешнеполитической доктрины. Наша страна исходит из признания права любого государства на формирование такого внешнеполитического курса, который отвечает его многосторонним интересам и вызовам современного мира. ─

ЛИТЕРАТУРА

1. Едемский, А.Б. Неоосманизм как реальность современной геополитики / А.Б. Едемский // «Проблемы национальной безопасности» [Электронный ресурс]. – 2012. – № 2. – Режим доступа: http://en.riss.ru/images/pdf/journal/2012/2/18_.pdf. – Дата доступа: 21.09.2016.
2. Балканы, Центральная Азия и Ближний Восток являются нашими неотделимыми частями / Турецкая Республика. Аппарат премьер-министра. Главное управление прессы и информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.byeem.gov.tr/russian/agenda/balkanlar.merkezi-asya/76258>. – Дата доступа: 21.09.2016.
3. Заргарян, Р. Турецкая модель «нового мирового порядка» / Р. Заргарян // Обзоратель [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://observer.materik.ru/observer/N10-12_96/10-12_10.NTM. – Дата доступа: 21.09.2016.
4. Казинян, А. Круг в 3000 км / А. Казинян // Иносми. Ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/asia/20110205/166280781.html>. – Дата доступа: 21.09.2016.
5. Куртов, А. Прорыв исламизма в Турции / А. Куртов // Обзоратель [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://observer.materik.ru/observer/N12_97/12_14.NTM. – Дата доступа: 21.09.2016.
6. Маврина, Ю.В. Концепция внешней политики Турции Ахмета Давутоглу / Ю.В. Маврина // Ассоциация «Открытая наука» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/kontsepsiya-vneshney-politiki-turtsii-ahmeta-davutoglu>. – Дата доступа: 21.09.2016.
7. Натиг Назимоглу. Отец «турецкого чуда» / Натиг Назимоглу // Азербайджанские известия [Электронный ресурс]. – 2011. – 26 ноября. – С. 3. – Режим доступа: <http://www.azeriz.az/news/a-9150.htm>. – Дата доступа: 21.09.2016.